

Мария Гаврилова

Начало моего творческого пути в Большом театре и вообще моей настоящей оперной биографии связано с именем Александра Сергеевича Пушкина, с пленительным образом Татьяны Лариной в опере «Евгений Онегин».

Еще будучи студенткой пятого курса Московской консерватории, мы с моим педагогом И. И. Масленниковой начали работать над этой партией. Ирина Ивановна тогда сказала мне: «Иди и почитай Пушкина, пока не прочтешь, ко мне не подходи!» Я, конечно, читала «Онегина» в школе, но слово мастера — закон. Безусловно, великие литературные произведения необходимо перечитывать много-много раз, в разном возрасте. Каждое такое возвращение по-иному раскрывает смысл. Например, я была тогда страшно удивлена, обнаружив, что не все в образе Татьяны однозначно лирично, и ее натура видна не только в сцене письма. На меня потрясающее впечатление произвел сон Татьяны, который обнажил неведомое мне раньше страстное внутреннее горение ее

М. Гаврилова — Татьяна.

натуры, действенную сторону ее влюбленности. Это было для меня совершенным открытием.

Мне очень повезло, что стажировка в Большом театре совпала с новой постановкой «Онегина», и, готовя роль Татьяны, я постигала смысл этого гениального произведения с Борисом Александровичем Покровским. Мне было очень трудно. Я совсем ничего не умела, а когда Покровский спросил меня, что я поняла из Пушкина про Татьяну, выяснилось, что поняла я совсем не то. Он и Ирина Ивановна раскрывали мне смысл буквально каждого слова, каждой фразы. А когда я более или менее стала ориентироваться, справляться со сценическими заданиями, Борис Александрович меня буквально оговорил: «Я вроде бы тебя чему-то уже научил, а теперь тебе осталась самая малость — красиво спеть». Я

тогда подумала: как же так, я ведь и так пою. А он мне говорит, что я пою не про то. Вот так, шаг за шагом ко мне приходило сознание всей глубины этого самого русского, пленительного пушкинского образа, который я очень люблю.

Долго не хотела петь Лизу в «Пиковой даме», мне казалось, что это совсем не мое — ни по голосу, ни по характеру. Не знала, от чего оттолкнуться, ведь это — больше образ Чайковского, чем Пушкина. Пушкинская «Пиковая дама» послужила, на мой взгляд, лишь поводом к написанию гениальной оперы. Я очень долго искала характер, не могла понять, какая она — моя Лиза, а потом Алексей Дмитриевич Масленников подсказал, что в трактовке этого образа нужно отталкиваться от тех же мотивов, которые были у меня в Татьяне. При здравом размышлении я поняла, что он прав. Татьяне — 17, Лизе — 21, обе близки к возрасту «старой девы», обе живут предчувствием любви, и у той и у другой дилемма между чувством и долгом. Так и эта роль постепенно начала вырисовываться. Теперь мне трудно уже представить свой репертуар без этой пушкинско-чайковской героини.

К сожалению, я не пела Марию в «Мазепе» и Наташу в «Русалке», но сделала бы это с удовольствием. Ведь любой образ, созданный гением Пушкина, интересен, и вряд ли найдется артист, способный пренебречь возможностью прикоснуться к его творениям.

Большой театр — 1999 — 3 июня